

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ: К ПРОБЛЕМЕ ЕЕ ЗАКОНОВ И ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Нуртага АБДУЛЛАЕВ

*профессор Актюбинского регионального
университета им К.Жубанова, д.и.н., г. Актобе*

Важнейшей проблемой истории вообще, отечественной истории в частности, является ее методология. На заседаниях Межведомственной рабочей группы методологии истории уделялось особое место, где подчеркнуто было, что «методологические акценты в изучении истории прошедших веков были необходимы для понимания специфики истории новейшей» [1]. В любом историческом исследовании, даже в таком, где система фактов преобладает над обобщениями, объединяющим стержнем является ее методология. Идеи, концепции, теории социально-гуманитарного характера явно обнаруживаются или подспудно присутствуют в историческом исследовании, а потому и у историка. Ни один серьезный труд не обходится без ценностных категорий, почерпнутых из политико-идеологических течений.

Задача каждой науки – выявить ее законы. Однако, в отличие от законов природы, закономерности общественного развития не все научные школы считали жесткими, неизменными. Отдельные школы теории «объявляют исторические общественные законы лишь простыми тенденциями», объясняя тем, что «общественные условия являются более сложными, вследствие чего в сфере общественных явлений отдельные законы еще в большей степени, чем в природе, проявляются лишь как тенденции» [2].

В социально-гуманитарной науке СССР преобладающим был взгляд на историю как на линейный процесс, ведущий только к якобы высшей и неизведанной идеальной форме социальной организации. Не только историческая, но и вся советская общественно-политическая литература была перенасыщена выражениями вроде «поступательный ритм всемирной истории», «неумолимый поток событий», «развитие всемирно-исторических эпох» органически связано с прогрессивными общественными формациями, имеющими одну направленность. Существование спора между сторонниками и противниками законов и закономерностей истории, в сущности, сводился к тому: «история

предсказуема» – заявляли одни, «история не предсказуема» – утверждали другие. Примечательно, однако, что значительная часть исследователей признавали существование «законов истории» как аксиому, но конкретно их не формулировали.

Историческое знание, как и любое иное научное знание, предполагает выявление причинно-следственных связей. При этом возникает соблазн установления законов. Однако закон – это фиксация человеком часто повторяющейся связи между фактами. Он помогает, как и гипотеза, человеку ориентироваться в мире бесчисленных фактов. В историю же человечества входят только неповторяющиеся, в своем роде единичные, факты. Если каждый закон в подлинном смысле этого слова предполагает повторение, то история не знает повторений, поэтому говорить о законе истории – значит не понимать закона.

В случае достаточной определенности исторический закон должен служить безупречным прогностическим инструментом. Однако объект истории, как известно, находится не в будущем, а в прошлом. Историк занимается реконструкцией прошлого, но при этом методы этой реконструкции значительно различаются между собой, не говоря уже о том, что субъективность исследователя никто никогда не оспаривал.

Высказывания видных представителей научных исторических школ ставят под сомнение существование «законов истории», а известные из них относились скептически к «законам истории», не считая их предметом самой исторической науки. Задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы, а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было попользования предсказывать будущее, как бы изучение прошлого ни помогало в иных случаях предвидению того, что может случиться или наступить. Если данными и выводами истории воспользуются социолог, политик, публицист тем лучше, но основной мотив интереса к прошлому в истории, понимаемый исключительно в качестве чистой науки, имеет совершенно самостоятельный характер: его источник в том, что принято называть любознательностью на разных ее ступенях – от простого любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знаний.

«...Термин «закон» появился в исторической науке в качестве заимствования. Взятое из сферы юридической со смыслом принудительного правила, влечения высшей силы, примененное затем в математике и механике в качестве обозначения аксиомы, это слово переходит к биологам и социологам. В пестрой массе переплетающихся конкретностей органической и общественной жизни, конечно, нет места для безошибочного принудительного действия простых правил, потому что ограничительные условия чрезвычайно велики и разнообразны», – писал известный исследователь Р.Ю. Виппер [3].

Поиск закономерностей исторического процесса, хотя и не весьма остро привлекает отечественных историков, тем не менее, остается среди фундаментальных проблем академической науки. Итак, имеет ли история направленность или какой-либо смысл? По взгляду известного востоковеда Н.И. Конрада, в зависимости от ответа возникают две концепции методологии истории:

смысла никакого нет, есть только бесконечное повторение одного и того же; смысл есть, и история есть непрерывное поступательное движение. Наиболее яркое выражение первой концепции – теория круговорота, второй – теория прогресса. И та, и другая теория всегда подвергались критике.

Представления об историческом прогрессе значительной частью ученых в XX веке связывалось с формационной теорией. В основе «экономического (или исторического) детерминизма», связываемого с прогрессом, лежали две концепции: вера в человеческий разум, идущая от эпохи Просвещения, и убеждение в примате экономики, вытекающее из марксистского учения. Как мотивы и даже факторы исторического процесса они не могут исключаться. Можно подвергнуть сомнению только их абсолютный приоритет и единственность.

При всей значимости государственной власти будет правомерно отдавать должное и другим формам надстройки – праву, религии, философии и т.п. В конце XIX начале XX вв. сторонники формационной теории истории ввели вывод об абсурдности утверждения о том, что «исторический вопрос можно было решать при помощи абстрактных конструкций». Констатируя в истории человечества наличие периодов застоя или даже сдвигов назад, они отметили, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» [4]. На самом же деле мировые войны, бесчисленные локальные конфликты, гражданские катаклизмы, мировые кризисы – лишь некоторые противоречивые явления в историческом процессе, показывающие, что он не только поступательный, прогрессивный, но временами и регрессивный. Обратимость исторического процесса сопряжена и с такими наблюдаемыми явлениями, как революция и контрреволюция, реформы и реакция.

Имела свое место и искусственная теория о «законах истории», совершив подмену понятия «социологическая закономерность» понятием «закон истории». Социологические закономерности предполагают выявление; установление связей и отношений между социальными явлениями и процессами. Они могут касаться только того общего, что наблюдается в развитии общества, но история показывает вместе с тем и нечто уникальное, единичное и неповторимое, что не может обобщаться законами. Социологические закономерности представляют научные гипотезы, которые более или менее правильно отражают действительность на определенном этапе, но могут перестать действовать на другом.

Эти же закономерности, но не «законы истории» объясняют некоторые существенные черты исторического процесса. Научная заслуга сторонников формационной оценки истории состоит, в частности, в показе значения социальной борьбы, а не в ее открытии. Когда же она была возведена в разряд «законов истории», само содержание исторического процесса обеднялось, сужалось. Критически оценив эту точку зрения, известный исследователь заметил: «...необозримая масса иного рода человеческих поступков и стремлений всех веков должна быть лишена всякого смысла» [5].

Прогноз основателей формационного подхода к истории об абсолютном и относительном обнищании трудящихся в промышленно развитых странах не оправдался, однако сама социальная борьба не исчезла: она приняла разнообразные формы (кроме экономической, политическую и теоретическую) и переместилась во многие регионы мира. В развитых странах мира социальная борьба к концу XX в. несколько притупилась в связи с большой дифференциацией в положении неимущих групп, повышением его жизненного уровня и демократизацией политической жизни. Социальные конфликты переместились больше на периферию промышленно развитых стран, в «третий мир» и в страны с переходной экономикой, где они нередко принимают форму национально-этнических столкновений. Ярким примером этого являются политические события начала XXI века в арабских странах и Ближнем Востоке, странах Евразии.

В научных школах социально-гуманитарного профиля бытуют иные объяснения исторического процесса кроме как обострения социальных отношений, граничащих открытой борьбой за права. В античную эпоху, в Римской империи эксплуатируемыми были рабы, а эксплуататорами – рабовладельцы-патриции. Однако борьба за права и власть велась в то время между патрициями и плебеями, тогда как между этими социальными группами населения не было отношений эксплуатации. При феодализме основными антагонистическими слоями были дворяне и крепостные. Хотя крестьянские войны имели место, но главные бои за власть велись между дворянством и буржуазией.

Как известно, в историческом процессе значительную роль играют три фактора: идеи, экономика и социальные конфликты. При этом, ход истории не является «линейно прямым». К примеру, во французской истории на ее широком протяжении конфликты в обществе происходили из-за четырех причин: из-за отношения к правде, к свободе, к власти и к собственности.

Концепция социального конфликта, которая имеет место во всех регионах Планеты и в разное время, объявляет главным общественным противоречием отношение господства и подчинения вне связи с социальной дифференциацией.

Предсказание истории равносильно научному управлению обществом и в качестве прогнозов делаются на уровне правительственных экспертов. Но они не входят в ремесло историка. Есть и большие объективные трудности. Даже в странах с высоким уровнем государственного контроля над экономикой и обществом оказались непредвиденными некоторые важные общественные процессы. Как утверждает известный политолог «пытаться управлять общим ходом современных обществ на уровне полного и рационального знания, – значит впасть в иллюзию» [6]. Даже при наличии современной техники воздействия на экономику, социально-политическую жизнь и общественное мнение трудно предусмотреть последствия миллионов «микрорешений» членов гражданского общества.

В то же время не следует исключать альтернативность выбора в историческом процессе. При этом к «случайностям» относится и характер людей.

Действительно, история не может быть в точности predetermined хотя бы потому, что человеку свойственно ошибаться. Жизнь полна примеров, когда временное недомогание или иррациональное поведение человека, занимающего руководящую должность, имело непредсказуемые последствия.

Движущие силы истории – не только экономика, а в ее основе технический прогресс, но и масса других факторов духовной, культурной и политической жизни общества. При этом человек – далеко не «винтик» и не «капилляр», подчиняющийся действию одного единственного императива.

Из вышеизложенного следует, что универсальных «законов истории» нет и не может быть. Даже когда объявляется законом решающая роль народных масс или отдельной личности, то тут же добавляется, что роль тех и других нельзя сбрасывать со счета. Альтернативность общественного развития всегда ставит перед субъектом возможность выбора варианта поведения. Именно поэтому экономические законы, – а это более или менее устойчивая историческая закономерность, – не обязательно диктуют человеку, как ему нужно поступать в том или ином случае.

По этому поводу видный французский ученый Р.Арон писал, что историческое знание «не в состоянии дать единственную версию, обязательную для всех, объясняющую общества, эпохи и культуры, ушедшие в небытие». К тому же он не признавал законов истории. Соглашаясь с распространенным представлением о том, что историю делают люди, он вместе с тем утверждал, «что история складывается из индивидуальных действий, но всеобщая («глобальная») история не является обязательно результатом намерений ее действующих лиц («актеров»), а намерения их, за исключением немногих случаев, никогда не являются научным объяснением социальных фактов» [7]. В действительности, данный тезис-вывод заслуживает внимательного отношения к нему и безусловного учета в исследовании.

В сложной системе общественных отношений нет линейной, однозначной зависимости одних событий от других. Всегда действует множество причин и факторов. Законы общественной жизни проявляются не в фатальной неизбежности результатов, а в виде господствующей тенденции, пробивающей себе дорогу через толщу случайностей. На историю нельзя смотреть как на последовательное развитие жестких законов.

В связи с этим следует подчеркнуть, что среди историков во все времена не было одномерного понимания истории, как только поступательного процесса. Точки зрения отрицания «законов истории» придерживались в начале 80-х годов прошлого столетия, а в 1981 году в книге «Практика и историческая наука» поднимался достаточно убедительно. Свообразную позицию занимал известный методолог истории Б.Г. Могильницкий. Признавая, с одной стороны, в общей форме «законы истории», он в то же время писал: «Незапрограммированность исторического процесса, присутствие в нем случайностей, а главное – многообразная деятельность человека обуславливают его многовариантность» [8].

Из всего высказанного можно сделать вывод, что история – объясняющая, а не теоретизирующая наука. В системе социально-гуманитарных наук она занимает ключевое место, ибо историческое сознание является незаменимой составной частью национальной культуры. История не повторяется, и все же человечество всегда изучало свое прошлое, искало в нем примеры, выводы, рекомендации для настоящего и будущего. Если история и не устанавливает закономерности, тем не менее, предлагает определенную систему оценки, классификации и обобщения фактов, без которой невозможно найти «ключ» к истолкованию громадного количества накопленных фактов.

В каждый данный момент история – это представление о прошлом, соответствующее достигнутому уровню знаний. Поскольку общество постоянно находится в движении, в развитии, то соответственно изменяются, не могут стоять на месте и способы его познания. Объективизации исторического исследовательского труда способствуют два фактора – внутреннее стремление историка к постижению истины и известная общественная потребность в знании подлинных фактов и обоснованных суждений о них. Вот почему в нашей стране с момента обретения Независимости на высшем уровне государства уделяется пристальное внимание воссозданию реальной и объективной истории Отечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Народ в потоке истории. Казахстанская правда, 6 июня 2013 года.
2. Моисеев Н.Н. Системная организация биосферы и концепция коэволюции // Общественные науки и современность. 2000, №2. С. 123-124.
3. Бранский В.П. Социальная синергетика как современная философия истории // Общественные науки и современность. 1999. №6.
4. Калинин Э.Ю. Методологический анализ статуса нелинейности в естествознании. «Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления». М., 1994, с. 148-161;
5. Назаретян А.П. От будущего – к прошлому (Размышления о методе) // Общественные науки и современность. 2000, №3. С. 149.
6. Карр Э. Историк и факты // Современные тенденции в философии и методологии истории. Ч. 1 и 2. М., 1969. С. 24.
7. Гомаюнов С.А. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. №2. С.99.
8. Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып.1 (119). М., 1995. С. 15.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: В поисках утраченного. М., 1997. С. 449.